

Ясный солнечный полдень застал нас на подъездах к деревне Гау-Кан. Мы побывали уже во многих городах Китая, и теперь нам хотелось посмотреть, как живут тамошние крестьяне. В автомобиле, по пути из Мукдена в Гау-Кан, наш провожатый с горячей убежденностью говорил:

— Тому, кто не видел этого своими глазами, трудно представить себе нищету прежней китайской деревни. Что бы вам сейчас ни рассказывали, все равно вы не сможете представить себе, какая это была страшная жизнь. Нищие, полуразвалившиеся фанзы. Голодали и взрослые и дети. О новом халате или ватной куртке люди мечтали годами, но беднякам они были не по карману. А чем работали? Только у счастливых была деревянная соха, а большинство копалось в земле простой мотыгой. Если вспахивали поле на 8—10 сантиметров, уже считалось хорошо. Урожаи были такие, что хоть плачь.

— Запишите себе в блокнот, — предложил наш собеседник, — я назову вам две цифры, может, они помогут вам понять, как жилось нашему крестьянству. Так вот, помещикам принадлежало до освобождения 80 процентов всей земли. Хозяйства своего они не вели, землю сдавали в аренду безземельным и малоземельным беднякам и за это забирали у них от 60 до 70 процентов урожая, а гоминдановцы брали еще большие налоги. Что же оставалось самому крестьянину? Пухнуть с голода, продавать своих детей.

Когда мы приехали в деревню Гау-Кан и познакомились с тамошними жителями, один из них, старый крестьянин Фын Гуи-жун, груб которого украшал значок отличника труда, словно продолжая начатый без него в автомобиле разговор и подкрепляя его конкретным примером, сказал нам:

— Как мы жили прежде и как живем теперь? Я тридцать лет работал на поме-

☆
Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР.

☆

щика и ел траву. Вот что я ел. А после освобождения я получил от Народного правительства землю. И теперь я член сельскохозяйственного кооператива. Дом свой построил. У нас в деревне уже 67 семейств построили себе новые дома, некоторые даже по две комнаты имеют. А прежде по несколько семейств в одной маленькой фанзе ютились. И какой вкус у травы — мы уже позабыли. Мы теперь рис и мясо варим. И семью свою я приодел.

Мы долго ходили по деревне, приветливые хозяева хотели, чтобы мы увидели каждый уголок их нового кооперативного хозяйства: и теплые, уютные детские ясли, где воспитываются маленькие краснощекие ребятки, и школьные классы с аккуратными партами, черными досками и географическими картами на стенах, и каменный сарай, заставленный плугами, жатками, сеялками и другими сельскохозяйственными машинами. Провожавшие нас крестьяне, показывая нам свой новый инвентарь, как бы невзначай прикасались рукой к машинам:

— Молотилка из Советского Союза, раньше у нас таких не было.

Ходишь по деревне и на каждом шагу ощущаешь здесь горячую, настойчивую целеустремленность всего этого небольшого трудового коллектива. Члены кооператива много думают о завтрашнем дне: надо посадить виноградники, увеличить поголовье свиней и домашней птицы. Интересуются здесь передовой агротехникой, хотят выращивать такие урожаи, чтобы в каждую семью пришел большой достаток, чтобы кооператив их стал богатым и цветущим.

А вот и новые дома, о которых рассказывал с такой гордостью крестьянин Фын Гуи-жун. Хорошие просторные дома из

серого камня, они образуют целую улицу. В одном из этих домов членов советской делегации радушно принимал у себя за столом пожилой крестьянин с седой бородой клинышком Чжао Хэн-юй, бывший батрак. Пили традиционный китайский чай, вооружившись палочками, ели вкусные пельмени, приправляя их острым соевым соусом. И хозяин заботливо напоминал в минуты оживленной беседы:

— Прошу вас, кушайте, я боюсь, что вы останетесь голодными. Мы так рады, что у нас теперь есть чем угостить дорогих советских друзей. Ведь это наши храбрые воины освободили нас от проклятых японцев. Видите, как у меня трясется голова. Это не от старости. Это от того, что меня били гоминдановцы. Так били, что я падал на землю и не мог встать. Теперь нас больше никто не обижает. Благодаря вам наши крестьяне стали жить как люди. Прошу вас, кушайте. Для меня ведь большое счастье принимать в своем доме советских друзей.

Перед отъездом из Гау-Кана мы зашли в деревенскую лавку. Нам еще раньше рассказывали, что в течение долгого времени китайские крестьяне из-за бедности не могли приобретать товары фабричного производства. Еще пять лет тому назад они, как и в прошлые столетия, сами изготовляли себе одежду, обувь и многие другие предметы домашнего обихода. Теперь, когда у людей в деревнях завелись средства, изо дня в день растет спрос на фабричные ткани, готовое платье, обувь, постельные принадлежности, гончарные изделия и другие промышленные товары широкого потребления. Все эти товары мы увидели на полках деревенской лавки.

Радостные жизненные сдвиги, которые мы наблюдали в Гау-Кане, в той или иной мере типичны теперь для большинства китайских деревень. Величайшее завоевание китайского народа — аграрная реформа — в основном завершено уже по всей стране, миллионы безземельных и малоземельных крестьян, батраков полу-

чили около 50 миллионов гектаров конфискованной у помещиков пахотной земли. Земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает, и результаты сразу сказались: никогда раньше в Китае не собирали столько риса, кукурузы, гаоляна, манинов, табака, как в последний год — другой. Освобожденное от тяжелого векового гнета помещичье-феодалного строя, китайское крестьянство широко расправило плечи и принялось за коренное переустройство старых ненавистных порядков.

Как сообщала газета «Женьминьжибао», из 90 миллионов крестьянских хозяйств в стране 35 миллионов хозяйств объединились в группы трудовой взаимопомощи. В разных районах страны имеется уже более 10 тысяч сельскохозяйственных кооперативов, где земельные участки крестьян слились в общий массив, что позволяло правильно распределять посевы, улучшать агротехнику. Сельхозкооперативы и группы трудовой взаимопомощи покупают для своих полей заводские плуги, сеялки, культиваторы. Народное правительство помогает им в этом, предоставляет кредиты.

Конечно, не следует делать такой вывод, что все и везде уже хорошо в китайских деревнях. Все не так. Да, в поле преобладает еще в основном ручной труд. Много найдешь таких мест, где крестьянин и сейчас еще работает примитивной сохой. Но главное то, что это его — крестьянская соха, а не чужая, взятая в долг у богатых; это его земля, его урожай, который он не должен отдавать помещику-кровососу. И в этом — историческое завоевание народного Китая. Что же касается до остального, то оно придет, будет и механизация и изобилие; пройдет небольшой срок, все будет, порукой тому честная, вдохновенная работа многомиллионного китайского крестьянства, издавна известного своим трудолюбием и упорством, и подлинно народная политика Коммунистической партии, направляющей людей по правильному пути.

Мы много, в течение двух месяцев, ездили по Китаю и повсюду видели, как рождается и побеждает новая жизнь. Ее проявления видны во всем — в большом и малом. Новая жизнь сегодняшнего Ки-

тая особенно ярко проявляется в том, что сейчас по всей стране начался массовый поход за знаниями.

— Учиться! — этот лозунг, как боевой клич, слышится по всему Китаю. Еще недавно по количеству грамотных людей Китай занимал среди других стран одно из самых последних мест. Учиться тогда имели возможность только дети зажиточных родителей. Сейчас по всей стране развернута широкая сеть школ, в которых обучаются взрослые и дети. Более 100 миллионов человек учатся сейчас в различных школах Китая. Свыше 200 тысяч студентов — будущих инженеров, агрономов, педагогов, врачей — овладевают высшими науками в многочисленных вузах, созданных в последнее время в стране.

Новая жизнь дышит в пьесах современных китайских драматургов, в прелестных по яркости красок и лаконичности сюжетов картинах художников, в пьесах и фильмах, в песнях и стихах.

Нам довелось присутствовать на спектаклях китайской классической и современной оперы. На китайской сцене большое место занимают еще сказочные сюжеты, древние легенды, но наряду с ними появляются и яркие спектакли, посвященные современной жизни народа. В Пекине с большим успехом идет опера о героях китайского народа, самоотверженно сражавшихся за свободу и независимость братской Кореи. В Ханькоу оперный театр поставил спектакль о герое, рядовом китайском солдате, повторившем бессмертный подвиг Александра Матросова.

Мы подолгу беседовали с деятелями китайского искусства. Больше всего их сейчас волнует вопрос о сочетании нового и старого искусства, о том, как донести до зрителя образ современного героя, простого человека из народа. Работники китайского театра, кино питают огромный интерес к советскому искусству. Их многочисленные вопросы и высказывания показывают, что они отлично ориентируются в системе актерского мастерства, разработанной Е. С. Станиславским, внимательно следят за всеми достижениями и новинками нашего советского искусства.

В разных городах мы видели замечательное искусство китайских танцоров,

певцов, музыкантов. Особенно сильное впечатление произвело на меня искусство знаменитого китайского артиста Мей Лан-фаня. Он играет всегда женские роли. Зрителю, однажды повидавшему Мей Лан-фаня на сцене, никогда не забыть его игры, так талантлив исполнитель, так умеет он перевоплощаться, так бесподобно владеет жестом руки, где движение каждого пальца полно пленительной красоты и грации. Мей Лан-фань не только великий артист, но и великолепный педагог. Он руководит сейчас театральную школу, в которой получают сценическое воспитание мальчики и девочки, начиная с девятилетнего возраста.

Познакомились мы в Пекине и с деятельностью театрального института. Все, что связано с искусством сцены, музыки, творческой работы декораторов и артистов, представлено в этом учреждении, где совершенствуются в мастерстве профессиональные работники театра и наиболее талантливые участники художественной самодельности. Интересно, что участники художественной самодельности, закончив этот институт, обязательно возвращаются в родные места, в свою провинцию, чтобы содействовать там дальнейшему развитию народного искусства.

...Пора заканчивать свой рассказ. Я долго думал над тем, как назвать эти путевые записки. Оправдывает ли себя поставленный мною заголовок «В молодом Китае»? Ведь Китай — одно из древнейших государств мира, страна с многотысячелетней цивилизацией, где, например, задолго до европейцев изобрели компас и наборное книгопечатание, овладели секретом производства фарфора, шелка, пороха. И все-таки самое примечательное в сегодняшнем Китае — это именно веяния его новой жизни, его социальной молодости. Все здесь заново рождено великой революцией, и трудовой народ, впервые узнавший радость свободы, переживает сейчас свою подлинную цветущую юность. Поэтому так и оставим — «В молодом Китае». Это будет, мне кажется, самым правильным.

КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ

в Красноярск

11 МАИ 1954